

ЕКАТЕРИНА
БАРСОВА

ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО

• РОКОВОЕ ПРОРОЧЕСТВО •
РАСПУТИНА

Великие тайны прошлого

Екатерина Барсова

Роковое пророчество Распутина

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Барсова Е.

Роковое пророчество Распутина / Е. Барсова — «Эксмо»,
2017 — (Великие тайны прошлого)

ISBN 978-5-699-96189-4

Популярность «черного» гения императорской семьи Григория Распутина чрезвычайно велика – что при жизни старца, что через сотню лет после его смерти. В начале XX века тайна его гибели так и не была до конца раскрыта. В наши дни расследовать все обстоятельства его убийства берется молодой ученый Василий Курочкин и его аспирантка Анна. Им в руки попадает дневник девушки, которая некогда входила в круг почитательниц Распутина и подробно описывала жизнь своего кумира. Но тема убийства Распутина волнует не только скромных ученых, документами заинтересовались и сотрудники некой секретной организации, на которую, как оказывается, работает родственница Курочкина. И так ли случайно именно в это время едет в странную заграничную командировку сестра Анны, известная телеведущая? Или даже после смерти «святой чёрт» влияет на жизни людей, которые решились приблизиться к разгадке его тайны?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96189-4

© Барсова Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Екатерина Барсова

Роковое пророчество Распутина

© Барсова Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Требующий возмездия поступает несправедливо, вне зависимости от того, проявляет ли он это на деле, словом или же только замыслил.
Климент Александрийский

Он ощущал странное беспокойство с самого утра, это беспокойство поселялось в нем редко. Но если оно появлялось – пиши пропало. Беспокойство рождалось где-то в глубине души, как древняя интуиция первобытного человека, которую не стерли века цивилизации. Необходимость носить дорогой костюм, часы определенной марки, иметь атрибуты той самой сладкой жизни, о которой повествуют страницы глянцевого журналов, – все это входило под определение «российский олигарх». И было применимо к нему.

По-другому нельзя, если ты хочешь, чтобы тебя принимали за своего в узких кругах международной элиты – существуют правила игры, и будь добр, следуй этим правилам. Все в мире регламентируется и учитывается. И он это прекрасно понимал...

Подспудно он ждал звонка, почему-то казалось, что звонок развеет или подтвердит его худшие опасения. Что-то случилось в этом мире, но вот – что? Он пока не мог подобрать этому название. Мятный чай казался слишком сладким, а воздух слишком прохладным. Чересчур для весны. А весна никак не наступала. Впрочем, через пластиковые окна трудно было определить – как скоро эта весна наступит.

Он потянулся так, что хрустнули пальцы, и решил посмотреть сводку новостей. Но та новость, которая его беспокоила, не будет отражена ни в одной поисковой системе и не выйдет на первые полосы Гугла. Это другое. Строго засекреченный круг новостей, новости тоже могут быть «для своих», как гольф-клуб или закрытая пати. Куда посторонним вход строго воспрещен. Точнее – нежелателен.

Но телефон молчал. Вошел секретарь, положил папку с бумагами на стол и так же бесшумно удалился.

Наконец раздался звонок, которого он ждал. Это был человек, имевший к нему круглосуточный доступ. При первых звуках его голоса он сделал глубокий вздох, чтобы успокоиться, и досчитал до десяти – иногда это помогало, но не сейчас, когда ожидание уже превратилось в манию – беспокойство, что все пошло не так, как было задумано изначально. Но он услышал то, что ожидал.

– Нашлись материалы, связанные с Распутиным.

В горле пересохло, и он нетерпеливо кашлянул. А потом, выдержав легкую паузу, сказал:

– Надо отправить туда человека, и как можно скорее.

Глава 1

Полярная сова и глобус

*Только стечение обстоятельств открывает нашу сущность
окружающим и, главное, нам самим.*

Франсуа де Ларошфуко

Надо было выходить из ванной, готовить завтрак и ехать на работу, но делать этого решительно не хотелось. Анна включила кран и сидела, слушая, как течет вода. Она всхлипнула и зажала рот рукой. Не хватало только, чтобы услышал отец.

С утра они уже крепко поругались. Ссора, как всегда, началась с пустяка, с того, что она, не сдержавшись, ответила ему. А отец, с запавшими глазами и трясущимися руками, со вчерашнего похмелья, был только рад разгоревшемуся огню. Анне казалось, что эти ссоры-скандалы нужны отцу позарез, они бодрят его, дают ему чувство значимости и власти. Тогда как Анну – опустошают и обессиливают. После таких ссор ей ничего не хочется – только лечь на диван, накрывшись пледом, и полностью отключиться от всего мира.

Разъехаться с отцом-алкоголиком, – никакой возможности. Их маленькую двушку ни один серьезный риелтор в разработку не берет, а если заниматься развозом по-настоящему, то максимум, на что можно рассчитывать – две комнаты в ближнем Подмоскowie. И все. Куда отец, естественно, ехать не собирался. Он вообще не хотел разъезжаться, а когда Анна заикнулась об этом, громко выругался и сказал, что она свободна и может укатывать на все четыре стороны.

После смерти матери отец ушел в окончательный запой. Мать его сдерживала, а когда ее не стало – стесняться было некого. Анна часто думала: за что ей такая жизнь? Утром она поднималась рано. Стараясь не столкнуться с отцом, быстро завтракала и вылетала из дома. Иногда даже на завтрак времени не было, приходилось уходить голодной и есть уже на работе.

Но сегодня звезды были явно не на ее стороне, так как, столкнувшись с отцом в коридоре, она сразу поняла, что тот находится в приподнято-взвинченном состоянии и ему нужна жертва. То есть она, Анна. Так все и получилось. Отец сделал ей замечание противным голосом, что на кухне она не убрала за собой тарелку, и в холодильнике пусто, и вообще в квартире она давно не убиралась и продукты не покупала. И не мешало б ей уже обзавестись семьей и съехать, а старого больного отца оставить в покое и дать ему жить и умереть спокойно. И что таких дурочек от науки, как она – полным-полно, а она просто никчемная старая дева. Что нужно было приобретать другую более хлебную и нужную специальность... Ну и все в таком духе. Специально, чтобы ее вывести из себя.

Анна сдерживалась изо всех сил, но все же ее губы задрожали, и она ринулась в ванную, чтобы там закрыться и смотреть, как течет вода. Это было ужасно глупо – поддаваться на дешевые провокации отца, но она ничего не могла с собой поделать. Такие стычки ранили ее до слез...

– Он над тобой измывается, а ты терпишь, – сердито говорил ее начальник Василий Курочкин.

– Ну не драться же мне с ним, – возражала Анна.

Она бросила взгляд на часы – надо быстренько приводить себя в порядок и выходить из дома – а то она опоздает на работу.

Анна закрыла кран и бросила на себя взгляд в зеркало. Ничего хорошего она там не увидела – лицо в красных пятнах от слез, бесцветные волосы, выцветшие брови и легкая россыпь веснушек на носу.

Мышь серая, охарактеризовала она себя.

«И еще синий чулок и старая дева», – добавил кто-то внутри нее голосом отца.

Анна взяла полотенце и промокнула лицо, а потом энергично растерла кожу. Теперь вид был не такой заплаканный. Чуть посвежее. Анна подавила вздох и, открыв ванную, быстрым шагом направилась в коридор.

– Не забудь сегодня хоть что-то поесть купить! А то меня с голоду уморишь. Ученка! – И отец рассмеялся ехидным смешком. После того как довел ее до слез – был бодр и свеж.

Анна сорвала куртку с вешалки, накинула на шею длинный шарф, поправила на плече сумку и рванула вперед, с силой хлопнув дверью. Собственно, это хлопанье дверью и было ее своеобразной формой протеста против отцовского деспотизма. К сожалению, почти единственной. Ну чем она могла ему ответить? Ругаться не умела, наказывать молчанием – смешно, и в самом деле – не драться же? Хотя Василий сказал, что он бы точно врезал ее папашке. Будь на ее месте.

– Ты не на моем месте, – отрезала Анна, – а на своем.

Лифт к ней не торопился, он деловито сновал вверх-вниз, перевозя людей. Она закинула шарф за плечо и понеслась вниз по лестнице, при этом один конец шарфа соскользнул на пол, и Анна чуть не упала прямо на ступеньки, если бы вовремя не схватилась за перила.

– Ну и ну, – покачала она головой. – Только перелома ноги мне не хватало...

В метро Анна всматривалась в лица людей, сидевших напротив. Иногда ее увлекала эта игра с угадыванием: чем занимаются эти пассажиры, как протекает их жизнь, о чем они думают и мечтают.

– Рыжикова, да ты фантазерка! – вертела головой ее студенческая подруга Ника Полетаева. – Ей-богу, что за мысли лезут тебе в голову.

– Обычные, – упрямо отвечала Анна. – Обычные мысли. А разве тебе не интересно – что за люди окружают тебя?

– Не-а, – мотала головой Полетаева, – ничуть. Если это не касается лично меня, то совсем неинтересно. – При этих словах она задумчиво прикусывала указательный палец и устремляла вперед взгляд темно-голубых глаз.

– Полетаева, – бросала в ответ Анна. – Ты неисправима! Тебя интересует только собственная персона.

– Конечно... Это правильно...

– Ну нет! – возражала ей Анна.

На этом их спор, как правило, обрывался. Никто не хотел продолжать его. Несмотря на абсолютную непохожесть, почему-то с первого курса они подружились и частенько ходили вместе на разные мероприятия и тусовки. Правда, Полетаева выбиралась куда-то регулярно, а Анна лишь в свободное от учебы время.

– Нельзя быть такой серьезной, – встряхивала роскошными белокурыми волосами Полетаева. – Так ты никогда не выйдешь замуж. Мужчины не любят серьезных.

– Ну и плевать, – упрямылась Анна. – Кому надо, полюбит и так.

Ника Полетаева твердо знала: чего она в жизни хочет. Найти себе мужа, который обеспечит красивую яркую жизнь. Желательно за границей. Впоследствии этот пазл у нее сошелся идеально: она вышла замуж за швейцарца и в настоящий момент проживала в стране шоколада, сыра и альпийских лугов.

А их дружба свелась к обмену сообщениями в чатах и по электронной почте. И то – довольно редко.

Объявили ее станцию. А она, погрузившись в воспоминания, чуть не проехала!

Анна выше подняла голову и тряхнула волосами.

И вынырнув из переполненного вагона, почти бегом направилась к эскалатору.

Анна хорошо помнила тот момент, когда она впервые появилась на работе. Ее, аспирантку, направили совсем в другой отдел, но она по ошибке поднялась наверх, вошла в тесную комнату и остановилась как вкопанная.

Даже самой себе не могла бы она объяснить, что так прельстило ее в этом помещении.

– Пространство было каким-то особенным, – объясняла она потом Василию. Но тот только смеялся:

– Ну ты даешь, чем особенное-то?

Ну как это объяснить?.. Да, комнатка была маленькой, но через окно сверху падал какой-то необъяснимый свет – мягкий, рассеянный, как будто бы сквозь линзы... Как у Леонардо на его картинах. То самое знаменитое sfumato...

А здесь sfumato было повсюду. Все предметы словно парили в воздухе, преобразенные этим светом...

А на шкафу стоял глобус с белой полярной совой наверху.

Анна не сразу заметила в углу высокого рыжего парня. Точнее – его голову, торчащую из-за шкафа. Он смотрел на посетительницу с удивлением. Она молчала, наконец он кашлянул, и Анна очнулась.

– Вы к кому? – раздался мужской голос, который показался Анне трубой иерихонской.

– К... вам, – нашлась она.

– Ко мне? – Владелец зычного голоса изрядно удивился и вышел из-за шкафа. – Вы, девушка, точно адресом не ошиблись?

– Нет. Я – аспирантка, – прибавила Анна. – А вы?

– Я руководитель центра культурологических исследований российской государственности начала двадцатого века.

Решение пришло молниеносно.

– Я буду писать диссер по вашей теме. У вас есть аспиранты?

Вопрос этот поверг руководителя центра в шок. Он молчал. Потом потер пятерней подбородок, затем рука нырнула в волосы:

– Н-нет.

– Вот видите. А между тем аспиранты вам нужны. Ни один уважающий себя научно-исследовательский центр или структура не могут быть без аспирантов.

– Нужны-то нужны, да где их взять? Сейчас все больше по западной истории шуруют, забыли отечественную-то. Или такое наворотят, что диву даешься!

– Одна из аспиранток уже перед вами.

– У вас какая тема?

– Пока она точно не сформулирована, но можем подумать вместе с вами. Во всяком случае, культурология и государственность меня очень интересуют, – заявила Анна, у которой была тема: «Западноевропейская ментальность в XXVII веке».

Кому сказать, что ее очаровала сама комната – нездешняя, странная, прелестная? Все равно никто не поверит! Анне, у которой, собственно говоря, не было своего дома, – эта комната сразу пришлась по душе.

– А чай можно у вас выпить? – спросила она внезапно севшим голосом.

– Даже кофе есть. Не лыком шиты.

– Ну вот и спасибо на этом. Будем знакомы, – спохватилась Анна. – Рыжикова Анна.

– Василий Курочкин. А аспиранты центру и правда нужны. – И как бы упреждая ее вопрос, он поднял вверх руку: – Чуть позже обо всем переговорим. Но сразу говорю – руководитель я строгий. Так что без обидок, ладно?

– Обидок не будет.

– Вот и славно.

– А почему у вас глобус с совой?

Курочкин почесал затылок:

– Слышала выражение: «Натянуть сову на глобус». Что означает подтасовку фактов и манипулирование источниками для обоснования своей точки зрения. Так вот, эта сова здесь как напоминание о том, что заниматься этим ни в коем случае не стоит. Настоящий ученый должен быть добросовестным и честным исследователем.

– Понятно, – улыбнулась Анна. – Наглядное пособие. А почему сова полярная?

И тут Вася Курочкин смутился.

– У Гарри Поттера такая же. А племянник обожает Гарри Поттера.

Но Ане показалось, что Вася сказал о себе.

С той поры и началась их странная дружба. Странная, потому что пощады Василий своей аспирантке не давал и частенько доводил Анну до слез придирками и дотошностью. Ей казалось, что он просто придирается. И незаслуженно – потому что хочет показать над ней свою власть. Самодурничает, как говорила про себя Анна.

Но когда у нее получалось, то Василий ее хвалил. Мог даже погладить своей ручищей ее руку. И голос его тогда становился медовым-медовым.

– Ну молодец, Анюточка! – тянул он. – Ты у меня самая умная и разумная.

И он часто ее выручал. Если Анне не хотелось идти домой, он разрешал оставаться на работе и спать на диванчике, в обход всех правил. И Анна, счастливая, засыпала на этом узком продавленном диване, который казался ей райской постелью. Только бы не быть дома с вечно пьяным отцом...

– Ты и в науку, наверное, пошла, чтобы от него подальше... – как-то брякнул ей Василий.

– А что? – покраснела Анна. – Нельзя?

Но на самом деле ей нравилось рыться в документах, искать факты, данные, которые потом складываются в стройную логичную версию или статью. Но об этом она никому не говорила.

На улице было холодно. Но, несмотря ни на что, Анна любила осень. Причем любую. И звонко-яркую, когда синее небо так красиво оттеняет разноцветные деревья, и начинающие холода, укутывающие город призрачной дымкой, и первый дождь. Она очень любила дождик, такой грустный, умиротворяющий... Никуда не надо спешить, а можно было забраться с ногами на кушетку и смотреть в окно.

Своей квартиры у Анны не было. Она жила с отцом-алкоголиком, периодически впадающим в запой и буянившим на полную катушку. В такие минуты он начинал петь «На сопках Маньчжурии», кричать, что он из потомственных казаков, все все кругом разворовали и вообще правительство – дрянь. Приличный человек только один – Жириновский, но ему никогда не дадут пост президента и даже премьера не дадут. А так бы он вместе с ним дошел бы до Индийского океана с отрядом казаков и омочил там ноги. В такие дни Анна оставалась ночевать на работе.

Центр находился в старинном здании восемнадцатого века в центре Москвы. Он был организован при одном из академических гуманитарных институтов и занимал три маленькие комнатки под чердаком. В одной комнатке находился архив, другая была библиотекой плюс чулан, а третья – рабочий кабинет, как гордо именовал это помещение Вася Курочкин.

Из дома Анна притащила норвежский плед с оленями. Большую чашку из семейного сервиза, оставшуюся после бабушки. Пару репродукций с картин, которые она повесила на стены. Плюс занавески, и комната приобрела жилой вид...

Дорога от метро до института занимала чуть больше десяти минут, накрапывал дождик. Сунув руки в карманы и обходя лужи, Анна рванула вперед...

Василий уже был на работе. Анна боялась, что он устроит ей выволочку за опоздание. Но Василий был в хорошем настроении, что в последнее время было почти редкостью. Он окинул

Анну критическим взглядом, но не стал ей выговаривать за маленькие лужицы, мгновенно образовавшиеся на полу, а просто поджал губы.

– Сейчас вытру, – опережая его, сказала Анна. – Сей момент. Чай горячий?

– Только что поставил, – хмыкнул Василий. – Тебя ждал. Знал, что ты опоздаешь...

– Да, просто папаня... – начала оправдываться Анна.

Но шеф только махнул рукой. Василий Курочкин был сегодня прямо-таки в удивительном благодушном настроении.

Со стороны едва ли кто мог догадаться, что Вася Курочкин – доктор наук, руководитель центра, имеющего серьезные международные связи. Внешне Вася выглядел почти как гопник – он терпеть не мог официальную одежду, причесанность и гладкость. Надевать на конференции костюм было для него пыткой, он называл это для себя «колесо Голгофы». А вот мятые джинсы, растянутый на локтях свитер и нечесаные волосы, в которые удобно запускать руку и лохматить их, – самое оно.

Одна из знакомых Анны – явно черт дернул познакомиться ее с Василием – после встречи долго и громко возмущалась этим «расхристанным молодым человеком».

Личная жизнь Васи тоже упорядоченностью не отличалась. Время от времени он знакомился с девицами, преимущественно крашеными блондинками, проводил с ними какое-то время, а потом расставался, приговаривая при том известные строчки классика: «Была без радостей любовь, разлука будет без печали...»

Зато во всем, что касалось науки, Вася был настоящий орел и энтузиаст.

Анна аккуратно повесила курточку на вешалку, сняла ботинки и сунула ноги в туфли. Потом подтерла лужицы воды тряпкой, прикорнувшей в углу, помыла руки и пригладила волосы.

На столике, покрытом темно-коричневой с мелкими цветочками клеенке, уже стояли Аннина чашка, блюдо с пирожными и даже – о чудо! – маленький тортик.

– Вась, – робко протянула Анна. – Нам уже деньги за ту работу выплатили, да?

Не так давно они сделали работу по международному гранту и были в полной уверенности, что деньги поступят в течение нескольких дней. Потом эта уверенность сменилась на робкое ожидание, а потом и на полное недоумение. Фонд, финансировавший их работу, в течение некоторого времени отделялся вежливыми отписками, уверяя, что вскоре все финансовые проблемы будут решены. Но несколько дней назад пришло письмо, что фонд ликвидирован. Вася орал, что эти засранцы еще свое получают, так нельзя поступать с настоящими учеными, ну и все в таком духе.

– Нет, – отрезал Василий, сразу помрачнев. – Но они у меня заплатят. Иначе...

Угроза повисела в воздухе, а потом растаяла.

– Конечно, – поддакнула Анна.

– Садись, не стой над душой. У меня другая хорошая новость...

Чай пах травами, лимоном, чабрецом, мятой – настоящий душистый букет.

– Какая прелесть!

– Знакомый привез с высокогорья. Чай знатный, чуешь, травками пахнет...

Анна сделала глоток. Блаженное тепло растеклось по телу.

– Погодка мерзкая. А у нас здесь хорошо... Ешь, ешь пирожные, забежал в магазин напротив и купил.

«Напротив» – был дорожный магазин, как и все в центре. Анна и Василий старались отовариваться у себя в районных супермаркетах, а продукты на работу притаскивали по договоренности.

Пирожные таяли во рту, а сливочный крем был восхитителен.

Анна сидела на своем любимом месте – в углу.

Василий пил чай из литровой кружки, хрустя баранками.

Наконец Анна не выдержала:

– Ну рассказывай!

Василий с шумом отодвинул кружку.

– Любопытно, да? Я и сам в себя прийти не могу... Короче, не буду тебя долго томить. Мне... нам, – мгновенно поправился Василий, – поступило очень интересное предложение... – и он замолчал. Казалось, что Курочкин наслаждается звуками собственного голоса. Тон шефа обрел непривычную звучность и глубину. – Предложение от одного международного фонда, – и для пущей убедительности он поднял вверх указательный палец. – Во!

– Серьезно? – не поверила ушам Анна. Она сама лично составляла кучу заявок на гранты в различные международные фонды, откуда спустя время приходил отказ, но чаще не было никакой реакции.

– Серьезней не бывает, – подтвердил Василий. – Похоже, ты не веришь...

– Стараюсь верить, но ты и сам знаешь, как мы долго бились над всеми этими грантами.

– Знаю, – Василий снова придвинул к себе кружку и с шумом сделал глоток. – Но теперь все изменилось. Похоже – Бог на нашей стороне.

Слышать это из уст закоренелого материалиста, адепта науки и точных знаний Васи Курочкина было по меньшей мере странно, и Анна подумала, что в жизни бывают разные приятные сюрпризы. И этот, видимо, из таких. Иногда читаешь в книге или смотришь в кино ситуации, когда вдруг недотепам везет, и везет сказочно: то умирает богатый родственник, то вдруг выгодный контракт с неба валится, то заштатная золушка обретает принца... Почему бы не поверить, что им тоже повезло?

– А поподробнее можно? – прищурилась Анна.

– Можно и нужно. Я тебе, кажется, говорил, что два месяца назад представил заявку в Фонд стратегических исследований «Стратагема».

– Честно – не помню.

– Ну не знаю, Рыжикова, – недовольно протянул Василий. – Я же тебя просил – веди учет всем нашим заявкам.

– У меня все есть. В компьютере, – торопливо заверила Анна. – Просто нужно еще раз пробежаться и освежить память.

Но Вася в ответ лишь благодушно махнул рукой.

– Теперь все станет по-другому. И заживем по-человечески, и деньги получать начнем.

Это все оказалось бы как нельзя кстати: их центр был под угрозой закрытия. В результате всех пертурбаций, которые происходили в отечественной науке, финансирование заглохло. Вот уже три месяца они сидели без денег и в любой момент ждали, что их попросят на выход. А тут – такая удача! Анне хотелось ущипнуть себя.

– Да я и сам не верю! – словно угадав ее мысли, сказал Василий. – Но теперь все изменится. Верь! Теперь мы должны заниматься Григорием Распутиным.

– А где ты материал возьмешь?

Вася почесал в затылке.

– Да тут есть история. Сюжетец небольшой. Один священник сказал, что у него есть материалы по теме «Распутин». Нашел в старой церкви. Я это принял на заметку и договорился, что вскоре подъеду за ними. Я бы и раньше рванул, но он пока занят. В отъезде. Я подумал и решил подать заявку на грант. Раскинул мозгами, что тема «Распутин» может быть актуальной. Так и случилось.

– Распутин – не моя тема.

– Теперь она будет нашей. Ты можешь сказать навскидку: что ты знаешь о нем? Наверняка знания на уровне школьной программы. Или и того меньше.

Анна закатила глаза под потолок, словно ожидала увидеть там нечто интересное:

– Фаворит царской семьи, погубивший Россию, так как оказывал сильное влияние на императора Николая Второго, точнее, на императрицу Александру Федоровну. Царь принимал свои решения под влиянием этих людей, что и привело Россию к закономерному краху.

– Аня, Аня, – с укоризной покачал головой Вася. – Наша задача вскрыть неочевидное – факты, которые лежат на поверхности, нас не интересуют. Знаешь, как работают археологи: они снимают пласт за пластом, пока доходят до древнейших культур. Так и мы должны снять наслоения с фигуры Григория Распутина и постараться увидеть его таким, каким он был на самом деле. Хотя эта задача почти невыполнимая. Но нас, настоящих исследователей, – с легким пафосом и надрывом произнес Вася Курочкин, – другие задачи и не интересуют. Только те, которые трудны, сложны и ведут к новым историческим открытиям. Если все проанализировать, то придем к двум крайностям – либо Распутин черт, либо «святой». Хотя иногда его называли «святым чертом». Третьего не дано. При этом трансляция такого образа закрепилась исторически. На Западе имя Распутина стало своеобразным «брендом». Есть популярный ресторан «Распутин». Ударение на последний слог. Был нашумевший шлягер легендарной в свое время группы «Бонни М», который так и назывался «Распутин – последний любовник русской императрицы». А что там было по правде? Кто ответит, если не мы?! – Последнее предложение прозвучало с вызовом.

– Я же говорю – не моя тема.

– Эх, эх, – помотал головой Вася. – С тобой все ясно. А между тем тема «Распутин» становится суперактуальной, учти. Она приобретает в обществе некий смысл. Год назад был сделан сериал «Распутин» с брутальным и популярным Владимиром Машковым в главной роли. Там еще целое созвездие известных актеров играло. Фильм был показан по самому главному Первому каналу, а это не шутка. Ходят даже слухи, что хотят памятник Распутину поставить в Петербурге. В связи со столетием со дня его убийства были проведены «круглые столы», конференции... А ты как попугай талдычишь расхожие истины. Ладно, я шутя и любя, – поправился Вася, увидев, как побагровела Анна. – Не кипятись. А возьми и ознакомься хотя бы с этим материалом. Тоже не бог весь что. Но хотя бы кругозор расширишь... То есть я хотел сказать – узнаешь что-то новое.

Он протянул Анне листы бумаги.

– Я пока выйду по делу на пару минут. А ты побудь здесь...

Анна взяла бумаги. Это была распечатанная статья неизвестного журналиста под заголовком: «Черный демон России».

Точная дата рождения Григория Распутина – неизвестна, так как метрических книг сельской церкви не сохранилось.

До Григория в семье Распутиных родилось несколько дочерей, а первый сын, Андрей, умер. Григорий был назван в честь Григория Нисского (календарного святого). Мальчик рос непослушный и много хулиганил. Однажды даже пропил телегу с лошадьёю. Еще с юности Распутин обладал мощной сексуальностью – его неоднократно заставляли с девками и били за это. К тому же Григорий не гнушался воровать. И тоже был за это жестоко бит. После одной из драк оказался на пороге жизни и смерти. Вероятно, после этого в Распутине произошли перемены. Он остепенился, женился, а вскоре и вовсе, оставив дом и семью, начал ходить по святым местам и предрекать пророчества.

Постепенно у него появился круг поклонников и поклонниц. Распутин был близок к секте хлыстов. Ходили слухи, что он избавляет от греха женицин, занимаясь с ними сексом.

Следующий этап жизни Распутина связан с Петербургом. Заручившись предварительно рекомендациями духовных лиц, он поселился у ректора Духовной академии Сергия, в свою очередь тот ввел его в высшие церковные круги.

Так постепенно Григорий Распутин начинает штурмовать петербургский олимп. Первая встреча Григория с царской семьей состоялась 1 ноября 1905 года за чаем. Николай Второй даже сделал в своем дневнике по этому случаю запись.

Распутин стал близок царской семье, а его умение заговаривать кровь и спасать цесаревича от приступов кровотечения, связанных с гемофилией, сделало его почти святым в глазах императора и императрицы. Они безоговорочно верили Распутину. Он стал своим человеком во дворце, а через подругу императрицы Анну Вырубову осуществлялась связь с царской семьей.

Трудно переоценить влияние Распутина в то время. Он самолично смещал министров и рекомендовал их на должности.

Ходили слухи, что он являлся любовником императрицы, что вызвало дополнительную ненависть в народе и обществе. Но царский двор стоял горой за своего любимца, не спасало даже то, что против Распутина была настроена мать императора и любимая сестра императрицы великая княгиня Элла, Елизавета Федоровна.

Страна катилась в пропасть, а власть и влияние Распутина только крепили.

Всесильность царского фаворита изумляла всех, в том числе и за рубежом. Образ жизни Распутина был весьма далек от святости и праведности, которые, по мнению царской семьи, были ему присущи. Распутин пил, распутничал (напрашивается каламбур), укладывал в постель великородных дам, не брезговал и проститутками.

Его дом на Гороховой напоминал вертеп разврата. Широко известно предсказание, сделанное Распутиньим: «Пока я жив, будет жить и династия». Как ни странно, это пророчество сбылось.

Распутин был убит за два месяца до начала Февральской революции. В его убийстве принимали участие Феликс Юсупов, видный политический деятель того времени, монархист В.М. Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович, офицер британской разведки МИ-6 Освальд Рейнер, поручик Сухотин, доктор Лозоверт, который и приготовил отравленные пирожные и вино для Распутина.

Впрочем, точное число участников заговора, как и имена всех заговорщиков, до конца не разгаданы. И время от времени появляются новые версии убийства.

Известно, что Распутина пытались отравить ядом, но яд на него не подействовал, его добивали выстрелами в упор, но и раненый, он сумел выбраться и был застрелен уже на улице. Потом Распутина бросили в прорубь. Его тело обнаружили только на следующий день утром...

Через два месяца грянула Февральская революция. Затем Октябрьская. Царская семья была расстреляна...

А тень фаворита витает над Россией до сих пор...

Загадка Распутина состоит в том, что на многие вопросы нет ответов по сей день.

Кем он был? Сатанистом? Святым? Спасителем России? Или ее могильщиком?

Как Распутин приобрел такое влияние на императора?

Каковы были его отношения с царской семьей на самом деле?

Кто убил Распутина?

Ясное дело, что и спустя сто лет после его смерти тайна его личности и смерти до сих пор будоражит российское общество.

Анна отложила статью. Написано бойко, хлестко, в сегодняшнем стиле и жанре. Типичная «желтая пресса». Фамилия автора Костя Ра. Тоже в этом стиле – иронично.

– Ну как? – материализовался в комнате Вася.

– Статья написана не ученым. А журналистом.

– Точно! Но я специально тебе дал статейку, которая тиражирует наиболее распространенные мифы о Распутине. А мы, ученые, будем пытаться найти правду. Помнишь наш девиз: «Не натягивать сову на глобус». – И Вася кивнул на шкаф. – Вот мы и будем этим заниматься. Тем более грант нам подтвердили. Это же здорово, Ань! Мы с тобой многое прошли...

Анна тряхнула головой. Да, это прекрасная новость. Но...

Радость отравляло воспоминание о сегодняшнем утре. Пронзительный крик отца: «Убью шалаву!.. Когда начнешь в дом деньги приносить?»

Нет, возвращаться было решительно невозможно. Анна сидела и перебирала всех своих знакомых, к кому можно пойти переночевать. У кого можно пожить какое-то время. Но все были заняты, у всех были свои семьи...

– О чем задумалась?

– Просто так!

– Опять с папенькой поцапалась?

В ответ у Анны потекли слезы. Ей было отчаянно невыносимо стыдно за них, но она ничего не могла с собой поделать: слезы текли и текли. Она ощущала себя униженной, растоптанной, бездомной и бесприютной. Все были в жизни как-то устроены. Все, кроме нее... У всех подруг уже были семьи и дети. А она ушла в науку и осталась старой девой.

Анна взяла со стола салфетку и промокнула глаза.

– Вот что, Рыжикова, – Василий посмотрел на часы. – Ты хоть ела сегодня по-человечески или как? Вылетела из дома налегке? Давай сейчас пойдём и поедим где-нибудь. Я угощаю.

Вася, в отличие от Анны, имел квартиру, которую сдавал, соответственно исправно получал наличные от гастарбайтеров из солнечного Таджикистана.

– Ок, – Анна шмыгнула носом. – Ну что, пошли?

В «Шоколаднице» неподалеку от института было тесно и шумно. И ни одного свободного столика. Василий обреченно осматривал зал, как вдруг его взгляд выхватил двух девушек, покидавших диван у стены.

– Нам туда, – и грузный Василий локомотивом рванул в угол. Анна поспешила за ним.

Уткнувшись в меню, она пробежала его глазами. Василий, конечно, свой человек, но и злоупотреблять его добротой не стоит.

– У вас есть бизнес-ланч? – спросила она официантку, выросшую рядом. Та кивнула.

– Тогда... Суп, салат и чай.

– Бери еще второе... Не стесняйся.

– Как говорится, фэнкью...

– Когда ты английский язык, Рыжикова, прилично выучишь? Пора бы уже.

Сам Вася упорно учил язык по собственноручно составленной методике, которая, как утверждал он, была «страшно эффективной».

– Отвянь! – И она уткнулась в меню. Это была одна из больных тем. Сколько она ни билась над английским – не давался ей язык, хоть тресни.

– Ну так где ты ночевать будешь? Этот же животрепещущий вопрос стоит?

На секунду она закрыла глаза – решение пришло неожиданно.

– У меня есть Елена!

– И ты думаешь?..

– Уверена! – твердо кивнула Анна. Сейчас ей не хотелось ни думать, ни рассуждать на эту тему. Все равно ей деваться некуда.

– Ну смотри, если что, можешь приходить ко мне.

Несмотря на драматичность момента, Анна улыбнулась. Да, Вася сдавал свою квартиру, – хорошую двухкомнатную на Кутузовском проспекте, оставшуюся от деда-военного. Но зато в маленькой двушке-распашонке в Перове жили: Вася, его больная мать, а также старшая сестра-разведенка с двумя ее отпрысками – мальчишками-хулиганами десяти и восьми лет.

Вася спал в девятиметровой комнате с мальчишками – около двери.

– Спасибо, Вась. Только где я у вас помещусь?

Краска залила лицо коллеги.

– Что-нибудь придумаю, – буркнул он.

Она накрыла своей рукой его руку.

– Вась, правда, спасибо. Но не требуется. Я переночую у Елены.

– Как давно ты с ней общалась?

– Недавно, – солгала Анна. – На той неделе.

– Окей. Если что – звони.

* * *

Легко сказать, нелегко сделать! Елена была ее сестрой. Но пересекались они нечасто и старались это делать как можно реже. Они существовали в разных мирах, и Анна чувствовала себя крайне некомфортно в мире Елены Демченко – популярной телеведущей. У сестер были разные фамилии. Фамилия Демченко досталась Елене от мужа. Брак их продлился несколько месяцев. А фамилия осталась.

Мир Елены, яркий, глянцевый, был другим. Не таким, как серый, но упорядоченный мир Анны. Две разные планеты, две непересекающиеся галактики.

Но нужно было звонить, проситься на ночлег, как бедной бесприютной сиротке. Анна сердито тряхнула головой и отошла в сторону.

Чтобы позвонить сестре – нужно себя настроить на этот звонок. А вот звонить не хотелось, не хотелось, и все!

Она досчитала до пяти и набрала номер.

Елена взяла трубку не сразу. Ее голос – звонкий, четкий, с красивыми модуляциями – сказал:

– Алло!

Аня ступешалась. Возникло искушение нажать на кнопку «отбой», но вместо этого она торопливо проговорила:

– Елена, это я, Анна.

Возникла пауза, во время которой лоб Анны покрылся легкой испариной. Черт! Ну зачем она позвонила? Пошла бы к Васе, от нее бы не убыло одну ночь переночевать на кухне. Или на вокзал – вздремнула бы там. А вместо этого звонит Елене, которая не поймет ее отчаяния и бездомности...

– Да?

– Слушай, – торопливо заговорила Анна. – У меня небольшая проблема возникла. Неожиданно. Ты не можешь пустить меня к себе переночевать на одну ночь. Отец в запое...

Во время этого монолога было слышно, как ветер ожесточенно рвет оставшиеся листья с деревьев. И еще был слышен стук собственного сердца. А шум города – напротив – утих, смолк, свернулся в клубочек.

«Это была плохая идея», – возникло в мозгу. Нужно подобрать какие-то приличествующие этому случаю слова и откланяться... Сказать, что все в порядке, она вспомнила своего старинного приятеля с пустующей шикарной квартирой или еще лучше – всплыла в памяти знакомая, у которой недавно сестра вышла замуж, и та теперь проживает одна. Такие вот детальки и убедят Елену в правдивости лжи.

– Ну конечно, приезжай! – услышала она. – Ты помнишь мой адрес? Как лучше доехать, знаешь?

– Нет... Я не была на твоей новой квартире...

Возникшее молчание было ужасно-неловким, как острый предмет, о который внезапно порезался.

Два года назад Елена переехала в новую квартиру, она приглашала туда Анну на новоселье, но та свалилась с гриппом, потом Елена уехала в командировку, затем они встречались пару раз в кафе, и еще однажды сестра приглашала на запись своей программы. Все! Итого – два раза за два года! Негусто для ближайших родственников!

– Тогда записывай адрес...

Елена жила в элитном доме на северо-западе Москвы. Консьерж спросил: к кому Анна идет, она назвала фамилию Елены, и молодой парень недоверчиво смерил гостью взглядом с головы до ног. Конечно, непрезентабельный вид Анны никак не вязался с именем популярной телеведущей, которая каждое утро выходила в эфир с программой: «Утренний драйв». Да, она не тянула ни на знакомство с Еленой, ни на этот дом... Анна сглотнула, вздернула выше голову и прошествовала мимо. Когда она вошла в лифт, зазвонил телефон.

– Я на семнадцатом, – услышала она. – Квартира пятьдесят два.

Елена встречала ее у дверей. Рядом с ней стоял белый лабрадор и внимательно смотрел на Анну.

– Денис, по родословной Дональд, – представила она пса. – А я чаще всего зову его Деник. Проходи! Ужинать будешь?

– Я... чай попью.

– Ну, какой там чай! Есть утиная грудка с апельсинами и черносливом, салат овощной, сыр, буженина...

Они зашли-нырнули в коридор, и здесь Анна могла осмотреться.

Пространство Елениной квартиры ослепляло, переливалось огнями: везде были лампочки, бра, светильники, блестела темно-зеленая плитка на полу. А вильнув вправо, казалось, уходил в бесконечность коридор, где, как догадывалась Анна, находились комнаты и спальня. Пространство было выхоленным, сытым, пахло сложными запахами, которые не перемешивались между собой, но вместе с тем составляли единую симфонию. Нотка тонких духов, запах ванили, свежесваренного кофе...

Теперь она могла разглядеть Елену как следует: сестра была одета в длинный лиловый халат. Светлые, слегка рыжеватые волосы стянуты в узел сзади. В ушах переливались бирюзовые сережки. Мочки ушей гладко-розовые, нежные, как у ребенка. Большие серые глаза и чувственные губы. Елена была очень красивой, не то что Анна...

Елена улыбнулась:

– Проходи же, не стой! Раздевайся...

Анна сняла обувь и ступила на пол.

– Тапочки на полке внизу. Белые, теплые. Из Норвегии привезла.

Анна быстро сунула ноги в тапки, чтобы не было видно дырки на колготках.

Деник сидел и снисходительно смотрел на Анну.

Елена уже пошла-нырнула дальше. Пес прошествовал за хозяйкой.

На кухне Деник разлегся на полу, и Анне пришлось обойти его.

Елена быстро устала стол тарелками с едой и бросила через плечо:

– Чай, кофе? Я по вечерам пью кофе. Он у меня как снотворное.

– Я тоже буду кофе. – Анне хотелось все делать, как Елена.

Сестра села напротив Анны и провела наманикюренным пальчиком по столу.

– Ну рассказывай! Папашка что-то натворил опять? Можешь меня не стесняться.

«Главное, не расплакаться, – твердила себе Анна, – главное – не раскиснуть».

– Ну... – протянула она. – Ничего особенного. Как всегда.

– Бьет?

Анна энергично покачала головой.

– До этого еще не дошло. Пока, – уточнила она. – Но ни за что ручаться нельзя.

– Пьет?

– Как сапожник. И почти каждый день.

– Да. Проблема. – Елена наклонила набок голову, но Анна видела, что ее мысли витают где-то далеко. Однако в самом деле было бы смешно, если бы популярная ведущая решала проблемы отца-алкоголика, которого видела последний раз год назад. Все понятно, у нее – своя жизнь.

Анна сглотнула.

Кухня блестела красивой плиткой, источала запахи – было уютно, приятно. По контрасту с промозглой улицей здесь царил блаженное тепло. Еда таяла во рту, и Анна почувствовала себя пригревшейся бездомной собачонкой. Деник приоткрыл один глаз и посмотрел на Анну. «Появилась тут на мою голову, – казалось, пытался сказать он ей. – Конкуrentка за внимание моей хозяйки».

Елена протянула руку и потрепала собаку по холке.

– А так у тебя все в порядке? Как работа? Как жизнь в целом?

«Жизнь в целом» была хоть вой. Работа составляла для Анны все, а вот жизнь в целом не складывалась. Подруг и близких знакомых не было, единственная в прошлом подруга Ника Полетаева жила в благополучно-глянцево-Швейцарии; кавалеры на горизонте никак не проявлялись. Про житье-бытье с папенькой можно было даже не распространяться – все ясно и так.

– Нормально, – буркнула Анна, отправляя в рот кусок утки.

– Я рада! Ты где работаешь?

А вот это было интересным вопросом. Формально Центр по изучению актуальных проблем российской истории XX века под звучным названием «Стратагема» существовал, и в то же время его как будто бы и не было. «Такая вот заковыка», – как любил говорить ее шеф, Василий Курочкин. Финансирования не поступало вот уже три месяца, и Анна отчаянно продала скудные запасы сбережений. Василий хорохорился, но было видно, что он и сам ожидает в любой момент закрытия «актуальной и важной структуры», – по любимому выражению Курочкина. И если бы не сегодняшний грант... В глубине души Анна еще не могла до конца поверить в это. Вот придет она завтра на работу, а Василий ей и объявит, что на самом деле гранта никакого нет, ребята ошиблись и все возвращается на круги своя.

– Работаю в Центре исторических исследований при одном академическом институте. Работа интересная, я заместитель директора центра.

Это была чистая правда, учитывая, что работников в центре всего двое. Она и Василий. Вернее, в другом порядке: Василий и она.

– Как ты живешь вообще?

На этот вопрос нужно было отвечать подробно. Анна с шумом втянула в себя воздух.

– Живу, работаю, в выходные тусуюсь с друзьями или хожу в кино.

– Даже так! – Елена внимательно посмотрела на Анну своими прозрачно-зелеными глазами. Кажется, она ей не поверила...

– Да, у меня все нормально, правда-правда. Можно еще кофе?

– Вдруг не уснешь?

– У меня и так бессонница.

– Вот видишь, к чему усугублять ее?

Анна хотела сказать, что она уже влюбилась в запах кофе и во вкус... Но промолчала.

– Ладно, раз хочешь кофе – пей кофе. И не говори, что я не предупреждала... Он у меня отличного качества, итальянский...

– А как ты?

Елена повела плечами, и сделала это так красиво, что Анна невольно залюбовалась ею. В ее сестру было невозможно не влюбиться. Вся страна любовалась Еленой утром, когда она вела телепрограмму «Утренний драйв» – спокойная, женственная, с лебединой шеей, светло-рыжими волосами и этими необыкновенными прозрачно-зелеными глазами. Программа строилась по типу всех информационно-развлекательных программ. Немного информации: политика, экономика, культура, гость в студии на злобу дня, музыка и напоследок обязательно что-нибудь душевно-культурное: выставка, книжная новинка, гастроли зарубежных знаменитостей.

Анна редко смотрела телевизор. Но все же иногда включала «Утренний драйв», смотрела передачи с интересом, но каждый раз после окончания оставался легкий привкус грусти. Видеть сестру было приятно, но вместе с тем – тяжело. Хотелось увидеть ее не на экране, а в жизни. Просто посидеть, потрепаться о чем-то своем, девичьем, поймать взгляд, улыбку, сказать всем: «А это – моя сестра!» Но Елена была далеко – на экране, почти недосыгаема, и Анна с раздражением каждый раз давала себе зарок больше не пялиться в ящик, но спустя какое-то время нарушала данное себе слово.

А вот сейчас она сидит напротив Елены и внутри нее зарождается странное чувство родственности. Хотелось протянуть руку и погладить сестру по щеке. Но Елена близко и вместе с тем далеко...

– Как я? – переспросила Елена и наморщила нос. Как-то смешно. По-детски и совсем не *по-звездному*... – По-разному. Если ты думаешь, что моя жизнь – сахар, то ошибаешься: вечные придирки и замечания со стороны начальства, сделано не то, не так... Можно было лучше... В спину дышат конкурентки – молодые, нахальные, готовые на все. Абсолютно на все, без всяких устоев и правил. Гладиаторши... А я... Я уже не так молода. И в любой момент меня могут заменить.

Елена не жаловалась, а просто беседовала с ней. Как с сестрой. И Анну переполняло чувство гордости...

– Кофе остыл.

Анна посмотрела в чашку. Напитка оставалось уже на дне. Но вот сейчас она сделает этот последний глоток, и придется идти в комнату, и разговор с Еленой оборвется на полуслове... А ей так хочется сидеть здесь и слушать звук Елениного голоса.

– А можно еще кофе?

– Третью чашку?

– Ага! Давно не пила такого вкусного кофе. Сто лет.

– Понятно...

Третья чашка кофе стоит перед ней. Но дело в том, что Анна больше не может сделать ни глотка. Кофе сейчас польется у нее из ушей. Но она все-таки делает новый глоток.

– А как твоя личная жизнь? – задает вопрос Анна и тут же пугается. Так пугается, что ей кажется: наступившая тишина сейчас оглушит. Она слышит, как посапывает Деник, как хлопнула дверь лифта – далеко, но словно рядом, а за окном тонко поет ветер. Она боится посмотреть в лицо Елены и отводит взгляд в сторону.

Вот сейчас Елена рассердится и выставит ее за дверь. Или просто перестанет разговаривать, встанет и уйдет, красиво поведя плечами. А она, Анна, опять останется одна...

Она иногда читала в Интернете про личную жизнь Елены. Ей приписывали разные романы, иногда папарацци фотографировали ее с разными мужчинами и утверждали, что это очередной бойфренд теледивы. Но вот уже как год никаких свежих новостей не было...

– Можно сказать, что никак. Но разговаривать на эту тему я не хочу. Точка. – И она легонько забарабанила пальцами по столу.

Анна подняла голову и встретила взгляд Елены. «Не лезь на эту территорию, – сигнализировал этот взгляд. – Не надо».

Елена проводила Анну в комнату со словами.

– Отдыхай, спи и вообще живи пока здесь.

Перед сном Анна еще раз в памяти перебрала день: он был ярким, необычным, с сюрпризами. Такие кульбиты! Вася говорит, что им дали грант, эта новость сама по себе тянет на сенсацию. А теперь Елена вдруг предложила пожить у нее! Чудеса, да и только. А ведь день начался неудачно. Поругалась с отцом... Но потом все переменялось.

А вдруг у нее в жизни началась счастливая белая полоса?

Глава 2

Ящик Пандоры открывается

Истина разрушает столько заблуждений и ошибок, что все, кто живет неправдой, восстают и хотят убить истину. Прежде всего они нападают на ее носителя.

О. Бальзак

Когда Анна открыла глаза, в первый момент она не сразу сообразила, где находится. Потолок был ровно-белый, чистый, высокий. Окно занавешено фиолетовой шторой. И тут до нее дошло – она у сестры, у Елены!

Судя по звукам, доносившимся из-за двери: Елена уже встала, слышались собачьи шаги, шум льющейся воды из крана.

Анна спустила ноги на пол, а потом снова юркнула под одеяло, хотелось еще понежиться в постели. Она протянула руку к мобильному, лежавшему на стуле рядом с кроватью, и ахнула: почти проспала, скоро начнется рабочий день. Василий не любил, когда она опаздывала, и в первый же день объяснил, что ценит ответственных и исполнительных сотрудников. Правда, количество сотрудников в его подчинении исчерпывалось одной Анной.

Она вскочила с кровати и прошествовала на кухню.

Елена сидела на высоком табурете и с кем-то разговаривала по телефону. И снова Анна залюбовалась сестрой: красивая шея, полные губы, волосы с золотисто-рыжеватым отливом.

– А я говорю, что это никуда не годится. Формат непродуман, контент тоже. Это мое мнение как профессионала, – подчеркнула Елена.

Она кивнула Анне и продолжила беседу. Деник лениво открыл один глаз и снисходительно оглядел гостью.

Анна потрогала рукой электрический чайник. Горячий...

– Кофе в шкафчике, молоко в холодильнике. Сыр там же, – отчеканила Елена, не поворачивая головы. Проходя мимо сестры, Анна уловила слабый аромат геля. Елена уже с утра приняла душ.

Анна взяла из холодильника еду, насыпала в чашку ложку кофе и залила кипятком. Закончив разговаривать, Елена посмотрела на нее.

– Как спалось?

– Нормально.

– А у меня бессонница, сижу вот уже вторую неделю на таблетках.

– Какие-то неприятности? – поинтересовалась Анна.

Но сестра лишь махнула рукой.

– Как всегда! В нашей жизни телевизионной не просто неприятности, а сплошные неприятности. Все подсиживают, интригуют... Но меня сейчас волнует не это. – И она замолчала. – Есть новая интересная работа, и вот я думаю, соглашаться на нее или нет.

– А ты хочешь идти на нее?

– Не знаю. Вопрос сложный... Здесь следует все обдумать хорошенько. Ты куда сейчас? На работу?

– На работу! – эхом откликнулась Анна.

Само слово «работа» показалось ей слишком значительным для того дела, которым она занималась. И не удержавшись, Анна фыркнула.

– Ты чего? – не поняла Елена.

– Просто так. Не обращай на меня внимания.

Елена пожала плечами и поднялась из-за стола:

– Я поехала. С Деником погуляешь?

Елена ушла. Хлопнула дверь, и щелкнул замок.

– Итак, мы одни, – прошептала Анна. – Дэн, ты слышишь...

Собака глухо проворчала. «Конечно, слышу, не глухая, – казалось говорит она. – У меня слух получше твоего, между прочим...»

Одни, и это слово отдает какой-то сладкой болью, но почему болью, Анна не может сформулировать, вероятно, потому что существование ее здесь – временное. И она это хорошо понимает. А то, что она осталась одна – дает иллюзию обладания чужим. Пусть и ненадолго. Иллюзия, что это потрясающее пространство – твое. Эта кухня, похожая на взбитые сливки, и пол – темно-зеленая плитка с белыми прямоугольниками. Все это принадлежит ей, и в то же время – чужое.

– Калиф на час, – прошептала Анна и обернулась, оглядываясь, как будто бы кто-то мог ее сейчас услышать. Но в квартире только двое. Анна и Дэн.

Дэн смотрел на Анну, высунув язык.

«Ну что, пошли гулять?» – говорит его взгляд.

– Пошли, – ответила вслух Анна.

После прогулки вдоль сквера, вернувшись домой, Дэн протопал в ванную, как он, очевидно, привык, и Анне ничего не осталось, как последовать за ним. Это была ванная для гостей – вместо джакузи здесь стояла душевая кабина. Кафель с растительным орнаментом, на сверкающих хромированных батареях – полотенца. Дэн уже стоял в душе и смотрел на Анну. Мыться Денику нравилось, вопреки тому, что Анна читала о собаках раньше – многие не любили водных процедур.

После того как Анна вытерла собаку насухо полотенцем – ее шерсть заблестела и Дэн довольный вышел из ванной, гордо подняв морду.

Анна задумалась: идти на работу решительно не хотелось. Было желание остаться дома подольше.

Анна позвонила Васе и предупредила, что сегодня придет позже. Он недовольно буркнул, но согласился с ней. А куда ему деваться?!

Итак, отдохнуть, отдохнуть и еще раз отдохнуть...

Какое-то время Анна сидела в мягком кресле в большой комнате, сделанной в итальянском стиле – кажется, он называется «классика»: мебель из темного дерева, спокойные бежевые обои и светлая мебель. Анна представляла, что она пришла после работы и, усталая, сидит, отдыхает в кресле, прокручивая в голове прошедший день.

Следующим пунктом в осмотре квартиры была лоджия, превращенная в зимний сад. На подоконнике и на полу стояли разные растения: в том числе пальмы и кофейное дерево. Ветка с распутившейся орхидеей наклонилась почти горизонтально, и бело-фиолетовый цветок слегка покачивался от малейшего дуновения воздуха...

Анна обошла все комнаты. В Елениной спальне находилась гардеробная. Раньше подобное Анна видела только в кино – гардеробная напоминала восточную шкатулку. Сначала шли деловые костюмы, вечерние платья, джинсы, модные комбезики, юбки и блузки всевозможных цветов и фасонов.

Интересно, подойдет ли ей Еленин размер?

В глубине мерцал мех – длинная шуба из серой норки, темно-коричневый норковый полушубок и задорная курточка с лисьей оторочкой.

Отдельно стояла обувь – в коробках и без.

Туфли на призывных шпильках, балетки и лодочки, сапоги-ботфорты, ботинки на толстой подошве. Особенно Анну поразили ярко-фиолетовые сапожки на тонком каблуке, отороченные мехом. Эх, эх...

Анна закрыла гардеробную и подошла к трюмо. В глазах зарябило от «шанели», «диора», тональных кремов, пудры, помад...

Собака неотступно следовала за Анной; она сопровождала ее на почтительном расстоянии, словно присматривала за гостьей – не натворит ли та чего в отсутствие хозяйки.

– Нет, ничего не натворила, – пару раз сказала Анна вслух, не рассчитывая на ответ.

Обойдя все комнаты, Анна почувствовала легкий голод. В холодильнике пестрели этикетки, Анна выбрала йогурт и швейцарский сыр. Выложив все на тарелку и поставив на стол, она вернулась к холодильнику за молоком, а мгновением позже обнаружила, что ее едой уже позавтракали. Тарелка была пуста.

– Так-так, мелкий воришка!

«Воришка» сидел и смотрел на нее невинными круглыми глазами.

«А я здесь при чем? – говорил этот взгляд. – Я вообще ничего не знаю».

– Ну что ж! Придется взять двойную порцию, в расчете на прожорливых троглодитов, которые только прикидываются честными собаками...

Посмотрев на часы, Анна вздохнула и стала собираться на работу. И так она припозднилась, подавала голос совесть.

* * *

Анна вошла в комнату и увидела Васю, сидевшего на стуле с блаженно-счастливым видом. Такого вида у шефа Анна не видела давно.

– Что-то случилось?

– Ага.

– И что?

– Нам деньги перечислили!

– Оперативно!

– Я и сам не верю. Теперь наконец-то мы сможем заплатить за аренду, выписать себе зарплату, созвать конференцию, издать сборник. И не один...

Вася уже видел, как созданный им центр набирает обороты. Он откинулся на стуле и мечтательно прикрыл глаза. Потом подался вперед и посмотрел на Анну.

– Сейчас я в магазин схожу, куплю нам, что бог пошлет...

– Я вообще-то не голодная. Только что позавтракала.

– Не отказывайся, Рыжикова! Сегодня я щедрый. Пользуйся моментом.

Вася притащил кучу снеди. Здесь была и красная икра, и копченая колбаса, и ветчина, и окорок... А венчало все это гурманское великолепие – бутылка чилийского красного вина.

– А почему чилийское? – не удержалась Анна.

– Потому... нравится мне оно, – сказал Вася. – Ты не рассуждай, а ешь! А то в последнее время отошала совсем. – Вася говорил с ней иногда не как начальник, а как заботливый друг. Даже по-отечески журил Анну, хотя разница в возрасте между ними составляла всего пять лет.

Вино оказалось хорошим. У Анны зашумело в голове.

– Пьем за нас! Много мы претерпели, но теперь выходим на светлую дорогу.

– И каковы твои дальнейшие действия? – спросила Анна.

– Я же тебе вчера говорил, что один мой знакомый священник из Подмосковья обнаружил интересные материалы, связанные с Распутиным. – Голос Василия прозвучал по-особому таинственно. – Так вот я еду к нему на днях.

* * *

Следующие два дня пролетели незаметно.

– Вот, – Василий втащил коробку в комнату и торжествующе посмотрел на Анну.

– Что это?

– Материалы одной подмосковной церкви. Представляешь себе – сонный городок, примет современности почти нет, все как в прошлом веке. Священник, когда получил этот приход, стал разбираться в своем хозяйстве, как это водится, и наткнулся на странные коробки, набитые сверху донизу бумагами. Кое-что отсырело и погибло безвозвратно... Эх, – почесал затылок Вася. – Как подумаю об этом...

– Ты принес все, что осталось?

– Нет, там еще есть материал. Остальное, он сказал, – потом отдаст. Будем разбирать пока это. Что-то уже в руках расплывается. Но у нас нет другого выхода. Мы же настоящие ученые и должны иметь дело с разными документами, в том числе и трудночитаемыми, – назидательно произнес Василий.

– Спасибо за совет.

– Всегда пожалуйста. А если серьезно – работа нам предстоит большая, Рыжикова, так что отлынивать не будем.

– Когда я отлынивала?

– Это я так. Предупреждаю.

Вскоре Вася ушел, Анна осталась одна. Домой торопиться не хотелось. Елена уехала, а одной в пустой квартире было не очень уютно. Лучше задержаться здесь и просмотреть материалы, которые притащил Василий. Он был натурой увлекающейся и мог в порыве энтузиазма взять бумаги и документы, не имеющие никакой ценности. Хотя, конечно, Анна доверяла научному чутью и эрудиции своего шефа, но не мешало бы посмотреть то, что он притащил, самой. Коробка стояла в углу.

Анна открыла ее, в нос сразу ударил запах сырых бумаг, прелых листьев, затхлости. Такой запах бывает в старых домах, где уже никто давно не живет, а хозяйничают плесень и ветер.

Она закашлялась и отошла к окну, вдохнуть свежего воздуха. Стояла поздняя осень, и примерно на уровне глаз на черном, словно обуглившемся дереве трепетало два желтых листа, как тряпочки на ветру.

Анна посмотрела вниз. Дворник дядя Паша подметал двор. Все тихо, спокойно. Можно прогуляться по дороге домой...

Она намотала прядь волос на палец и нахмурилась. Бедный Василий старается отработать грант, понятное дело, радуется, что такое счастье привалило, наверное, молитвы денно и ночью про себя читает...

А она, Анна, разве не рада? Не рада тому, что они наконец-то вырвутся из нищеты и сомнительного существования на птичьих правах, перестанут бояться, что их в любой момент могут выселить и выгнать из здания? Теперь, когда под ногами твердая почва – почему нет оглушительной радости и ликования? Что-то здесь не так? Или у нее просто как у старой бабки сомнения и ворчание на пустом месте? Откуда это странное чувство не то тревоги, не то настоятельности? Откуда?

Анна вздохнула и отошла от окна. Вернулась к столу, взяла пирожное, надкусила его и задумалась. А может быть, дело в том, что этот закуток-уголок уже стал ее, ей здесь хорошо и уютно, и вовсе не в науке дело? Стало быть, нет в ней ни полета, ни размаха и она всю жизнь готова довольствоваться малым?

Такой сложный вопрос, явно с философским подтекстом, требовал длительных рассуждений на тему о смысле жизни вообще. И о смысле жизни ее – конкретно.

Сейчас же рассуждать не хотелось, клонило в сон, а нужно было разобраться в Васиных бумагах. Хотя кому – нужно? Васе? Ей?

Анна сердито повела плечами, нет, сегодня она невыносима для себя самой! Нужно выпить крепкий кофе, привести себя в чувство и начать разбирать материалы. Это продуктивно, полезно и выбивает дурь из головы, как любил говаривать ее начальник. Анна поймала себя на мысли, что она порой начинает мыслить Васиними афоризмами, которые он упорно называл «васизмы». Ну что ж, васизмы так васизмы. «Без труда – не вытянешь жизнь из тупика». И это верно!

Жизнь Анны забрела в тупик, и надо ее вытягивать с помощью ударной работы. Вот ей и представляется случай продемонстрировать свое рвение.

За окном сгущались сумерки, осенью они быстро переходили-перетекали в темноту. Не успеешь оглянуться, как когтистая мягкая лапа вечера уже накрыла город. И он вздрагивал-трепетал под пятой невидимого хищника.

Анна сполоснула чашку и заварила кофе в маленькой турке, привезенной Васей из Узбекистана, куда он ездил проведать бывшего одноклассника.

Кофе был густой, терпкий, растекался по телу бодростью, сонливость сразу как рукой сняло, и Анна решительно направилась в угол. Надев тонкие резиновые перчатки – Вася учил обращаться с документами бережно, она аккуратно взяла один из пожелтевших от времени листов...

* * *

Из дневника Лизы К.

«Ах, как шумят листья: нежно, яростно, обреченно. Их последнее содрогание перед тем, как ветер унесет, развеет – словно ничего и не было. Это мне нравится в осени и вместе с тем пугает – какая-то безнадежная обреченность перед неминуемым тленом, перед обнаженностью, умиранием...»

Но когда осень только начинается – об этом не думаешь: просто наслаждаешься теплом, листьями, которые золотом осыпаются на землю. Такое банальное сравнение! А хочется написать что-то оригинальное... Такое, чтобы запомнилось людям. Вот Брюсов написал: «О, укрой мои бледные ноги!» И это сразу всем запомнилось, вызвало скандал. Валерия Яковлевича стали упрекать в безнравственности. Например, моя матушка. Я ее очень люблю, но все-таки надо признать, что она порядком отстала от нашего века и думает по-старому, для нее главное – мое счастливое замужество. И все! И как это скучно! Особенно в наше время, когда все вокруг кипит, бурлит! Новые веяния, собрания, кружки, кафе, модные социалисты...

Я закончила гимназию и поступила на Бестужевские курсы.

Весь этот вихрь невольно увлек меня. Мне хотелось чего-то нового, необычного... Я тогда и решила стать поэтом или прозаиком. Актрисой – банально. Да и с моим высоким голосом, и внешностью, далекой от роковой красавицы. А стать поэтессой – очень заманчиво. Ахматова, Цветаева, Черубина де Габриа... Но надо признать, что таланта у меня мало-вато или вовсе нет. Я помню, как сидела и записывала свои мысли в тетрадь, а потом вдруг замерла – за окном было так красиво: золотые листья, легкий шум, ветер, прозрачно-сладкий воздух...

Мне хотелось написать стихотворение, которое бы передавало все это. Но написав одну строчку: «Как нежен медовый воздух» – я остановилась, дальше ничего не шло. Хоть плачь! Я сидела и кусала губы. Что-то мешало мне... Как будто бы мой душевный подъем, вызванный красотой, весь иссяк, и я стала смоковницей бесплодной. И это было невыносимо больно. Я ждала продолжения, а его не было. Я так и замерла, словно растворилась в этой минуте, время остановилось, даже часы перестали тикать, на дом опустилась благодатная тишина... Я не слышала ни голоса матери, ни быстрых шагов кухарки, ни чьих-то криков

за окном. Я погрузилась в это нечто... И только потом голос матери вывел меня из этого состояния.

– Лиза! Лиза! – кричала она мне. – Тебе плохо?

– Плохо? – подняла я на нее глаза. – Почему ты об этом спрашиваешь?

– Видела бы ты себя со стороны! – сказала мать обеспокоенно. – Лицо пошло красными пятнами, я тебя зову – а ты не слышишь!

– Я и правда тебя не слышала! – искренне сказала я и тут же пожалела о своих словах, потому что в глазах матери отразился явный страх. – Прости, мамочка, – тут же торопливо добавила я. – Задумалась. Иногда у меня бывает.

– Ты что-то писала? – кивнула матушка на тетрадь.

– Да, – я невольно залилась краской и прикрыла тетрадь локтем.

– Елизавета, я надеюсь, что ничего богохульного и непристойного здесь нет, – строго сказала мать.

– Нет. Все в порядке. Не беспокойся, мамочка!

Она наклонилась, поцеловала меня в лоб и ушла. И после нее в комнате еще какое-то время витал запах туалетной воды, которой она любила душиться.

А я после ее ухода задумалась. Эта минута, когда я провалилась в какое-то другое измерение, была невыносимо сладка и волнующа. По моему телу прошла судорога блаженства, но в этом я никому бы не смогла признаться. Здесь было что-то неприличное...

Вопреки мыслям матушки, я не была таким уж невинным и оторванным от жизни существом. Мы в гимназии уже знали об отношениях мужчины и женщины почти все, для нас не было здесь тайн и загадок. А моя подруга Муся Саблина показывала неприличные фотографии, найденные у брата. Мы их рассматривали, хихикали, отводили глаза и снова украдкой смотрели на неподобающие позы и прочие признаки страсти, о которой поэты писали так возвышенно. Ведь на самом деле все было не так. Проще и хуже... И все же с некоторых пор плотская страсть стала волновать меня. И все сильнее. Когда я сказала об этом Мусе, она хихикнула, зажала себе рот рукой и призналась, что у нее происходит то же самое. И что надо скорее выходить замуж. Правда, пока не за кого, со вздохом прибавила она.

Весна, лето, начало осени пролетели в каком-то чаду, нервы были взвинчены – я часто то плакала, то раздражалась беспричинным смехом. Но вот эта минута, когда я провалилась в другую реальность. Мне страшно хотелось ее повторить. Но что это было – я не знала... И как снова вызвать то состояние – тоже.

А вскоре случилось еще одно событие.

За столом у нас редко говорили о политике, но тут мать произнесла с некой досадой и одновременно любопытством.

– Везде говорят о Распутине! Супостат эдакий! Окрутил императрицу, императора, все под его дудку пляшут! Истинно говорят: сатана во плоти! Как с ним кто столкнется, так все – пропал! – И мать несколько раз быстро перекрестилась. – Что за напасть на Россию! Где это видано – полуграмотный мужик всем вертит. Говорят, даже спит с императрицей. – И тут же мать нахмурилась, пожалела об этих случайно вырвавшихся словах.

А у меня все как-то странно болезненно и сладко сжалось внутри. Распутин!»

Анна оторвалась от чтения и посмотрела на часы. Пора домой... Елена, наверное, уже приехала. Теперь после работы Анна торопилась домой к Елене. Никогда раньше она не думала, что выражение «дом» имеет такой священный смысл. Оказывается, дом – это больше, чем место, куда приходишь ночевать, как это было в ее случае раньше. В квартире, где она жила с отцом-алкоголиком, собственного пространства Анна не ощущала. Ей нужно было прийти, прошмыгнуть в свою комнату и засесть там, как в осажденной крепости, откуда можно делать краткие вылазки на кухню. Даже электрический чайник Анна купила себе отдельно и держала

его в комнате. В холодильнике были в основном полуфабрикаты, да и то она чаще покупала готовую еду, которую можно было съесть сразу, запив горячим чаем.

У Елены все было по-другому. Ее роскошная квартира была очень уютной: все продумано до мелочей. Картины на стенах в коридоре, кухня со множеством хозяйственных мелочей, привезенных из поездок, полочки с оригинальными сувенирами. Несколько светильников: бра, торшеры, встроенные лампы. Пол с подогревом.

Собака Дэн. Лабрадор, относившийся поначалу к Анне с опаской, наконец-то признал ее за свою.

И сегодня, когда Анна пришла домой к Елене, Дэн встретил ее с радостью, кинувшись на грудь.

– Ну подожди, подожди, – отбивалась Анна от него. – Дай хотя бы руки помыть...

Надев белые пушистые с помпонами тапочки, она отправилась на кухню, включила чайник. Когда он вскипел, Анна заварила чай и подошла к окну посмотреть на панораму, которая открывалась с семнадцатого этажа. Вечерние огни, спокойные, умиротворяющие. И за каждым окном – жизнь. И золотые крапинки-звезд на темном полотне неба.

Постояв на лоджии, Анна прошла в большую комнату, села в кресло и сама не заметила, как уснула... Проснулась она от того, что кто-то накрыл ее пледом. Анна открыла глаза.

– Спи, спи, – прошептала Елена.

– Да я уже выспалась. А ты только что пришла? – вскинулась Анна. – Я так крепко уснула, что даже ничего не слышала, хотя обычно у меня сон чуткий.

– Да, только что порог переступила. Пару минут назад. Голодна как волк, сейчас поем и на боковую.

– Дай я тебе подогрею еду, – вскочила Анна.

– Да сиди, я сама все сделаю, – сказала Елена.

Но Анна уже поднялась с кресла, подхватывая на ходу плед.

– Ты устала, а я уже выспалась.

Сестры прошли в кухню, и при свете яркой кухонной лампы Анна увидела, что под глазами Елены, несмотря на макияж, темные круги, а черты лица заострились.

Елена лениво ковыряла вилкой в тарелке.

– Нет аппетита? – сочувственно спросила Анна.

– Нет. Расскажи лучше, как прошел твой день.

– Как всегда. Работала. Сейчас у нас есть один интересный материал, мы его расшифровываем. Представляешь, нашли документы, связанные с Григорием Распутиным. Думаю, тянет на сенсацию...

Елена слушала ее вполуха, она была непривычно бледна и задумчива.

– Неприятности на работе? – неожиданно спросила Анна.

– А? – Елена вскинула на нее прозрачно-зеленые глаза.

– Что-то на работе?

Елена отложила вилку и посмотрела на нее.

– Давай сейчас нальем чай и пойдем в большую комнату. Посидим там, поговорим.

Внутри Анны разлилось блаженство. Ее сестра предлагает ей пойти и вот так просто почаявничать. И не просто сестра, а знаменитая телеведущая. Елена Демченко!

Все связанное с Еленой для Анны было окружено каким-то волшебным сиянием. Анне казалось, что сам воздух в присутствии Елены начинает искриться маленькими звездочками.

Елена забралась с ногами в глубокое кресло с чашкой чая в руках, рядом улегся Дэн.

Анна села на диван, сдвинув в изголовье ворох маленьких подушечек.

Елена молчала, сосредоточенно сдвинув брови. Анна боялась нарушить это молчание.

– Мне поступило одно предложение насчет работы, – начала Елена. – Хорошее денежное предложение – от одного российского олигарха, который сейчас находится за границей. От Дмитрия Берковича.

И Елена снова замолчала. Анна залюбовалась сестрой – мягкий свет падал на рыжие волосы, подсвечивая их золотистым ореолом. Сестра посмотрела на нее, и Анна поразила ее взглядом: отрешенному, погруженному в себя.

– И что ты думаешь делать?

– Не знаю. Буду думать...

* * *

На другой день Вася с порога спросил Анну:

– Ты что-то читала из материалов, которые я притащил?

– Да. Отрывок из дневника какой-то экзальтированной девицы, которая то хочет стать поэтом, то кем-то еще. Никак не разберется в себе, мечется.

– Учти – таких в то время было очень много. Экзальтированные барышни, которым хотелось чего-то эдакого – не то сладкого разврата, не то участия в передовых революционных движениях. А часто соединялось и то и другое. Непонятно, откуда они взялись. Многие прилично воспитанные молодые девушки пошли в революцию помогать большевикам. Это странное явление, на мой сегодняшний взгляд. И, похоже, до конца необъяснимое. Наша героиня, видимо, из их числа.

– Любопытно.

– Вот и разбирайся с этим материалом. Все, что касается Распутина, нам теперь важно и нужно. Потом будем систематизировать и делать опись документов. Вообще вокруг Распутина много чего накрутили-навертели.

Анна машинально посмотрела на шкаф, где стоял глобус с полярной совой наверху. Как напоминание им о научной добросовестности.

– Но вообще-то пришествие Григория Распутина было подготовлено другими людьми. Поэтому он и смог так легко приобрести влияние на царскую семью. Почва была уже готова. Понимаешь? Го-то-ва! – с расстановкой произнес Василий. И добавил небрежно, но явно рассчитывая на похвалу: – Я в рамках нашего исследования одну статью подготовил на эту тему. Нам же надо наш центр аккуратненько пиарить, приобретать вес. Известность... Если интересно, можешь ознакомиться.

– Конечно, интересно, – улыбнулась Анна. – Дашь посмотреть?

– Угу, – буркнул Вася. А потом, глянув на часы, воскликнул: – Мне пора! Сегодня Настя устраивает небольшой праздник в честь дня рождения Васюхи-малого. Пора бежать. Еще подарок племяншу купить надо. Да и мелочовку остальным. То да се. Еще одна родственница будет дальняя. Самостоятельная девица, которая, по слухам, работает в одной секретной организации. Я ее сто лет не видел. Некая Варвара Епифанова. Обещала прийти. У нее, как она сказала, сегодня встреча с одноклассниками, а потом к нам придет, на день рождения. К родственникам. Ну, я пошел...

– А статья где, о которой ты только что говорил?

– Статья? – Вася вторично порылся на полке. – Держи! Ты здесь останешься?

– Да, поработаю еще.

Елена сказала, что сегодня вернется поздно, и можно было тоже задержаться, забраться с ногами на диванчик и посидеть-почитать, как в старые добрые времена.

– Надолго?

– Не знаю.

– С Еленой все нормально? – проникательно спросил Вася.

– Все в порядке. Просто она сегодня будет поздно. А я лучше здесь посижу. Дома одна не хочу.

– Ясно. А то уж подумал, что у вас с ней разные терки начались и тебе опять идти некуда.

– Спасибо, Вась, за заботу.

– Это завсегда. Мы же друганы и коллеги. Салют?

– Салют.

– Там еще кусок пирога остался в холодильнике, можешь доедать. Не сиди голодная.

– И что бы я без тебя делала, страшно подумать...

– Вот и не думай!

Вася ушел. Оставшись одна, Анна подошла к окну. Ветер завывал совсем рядом, иногда он словно трясся в падучей и припадал к крыше – мелко-мелко стуча по ней, как будто бы кто-то сверху рассыпал крупный горох. За окном была уже непроглядная темень. А здесь уютно и тепло. Анна поставила чайник и взялась за статью. В глаза бросился заголовок: «Внутрисемейные дела семейства Романовых, проблемы престолонаследия и их влияние на кризис Российской империи». Рядом шла приписка. «*Заголовок переделать. Слишком общо и пафосно*». Затем более мелкими буквами шло: «*Отослать в «Вестник проблем Российской истории» и в другом формате в издание «Курсом Евразии»*».

Анна налила в чашку кипятка и заварила чай. Он был таким, как она любила – горячим. Еще бросить туда три куса сахара, и будет вовсе замечательно.

Она забралась с ногами на диванчик и принялась читать.

«Одной из самых острых проблем, с которыми сталкивается любая монархия во все времена, является проблема престолонаследия».

Анна оторвалась от текста. Ну да! Вот английская принцесса Кейт Миддлтон тоже несколько лет назад столкнулась с этой же проблемой. Все таблоиды только и сообщали время от времени о беременности жены принца Уильяма, а потом опровергали собственные утки. Можно себе представить, как это нервировало бы любую женщину, которая могла бы оказаться на месте Кейт.

Вася детально рассказывал о рождении дочерей у императорской четы и всеобщем разочаровании, связанном с отсутствием наследника мужского пола.

«По сути, общество было наэлектризовано ожиданием, и это не могло не подрывать психику Александры Федоровны. В обществе ходили шуточки, ближайшее окружение императора и императрицы писали в дневниках и обменивались посланиями, где высказывались различные слухи и подозрения, в том числе и те, что императрица не может больше рожать и не способна выносить сына. Неприятности у императорской четы появились еще до приезда в столицу Григория Распутина: враждебное окружение, смыкавшееся вокруг августейшей четы, некая изоляция, в которой они оказались. Сестра Александры Федоровны – Елизавета Федоровна (Элла) – в письмах своей бабушке, английской королеве Виктории, сообщая о беременностях и родах Аликс, сетовала на слухи и всеобщее разочарование, что и в этот раз – не сын. Если представить себе, что все эти пересуды доходили до ушей императрицы, то можно понять, что уже с той поры она ощущала, что они с Ники одни против всех. И это во многом предопределило дальнейшую трагедию падения династии Романовых».

Вася писал легко, увлекательно и вместе с тем давал массу сведений, приводил выдержки из писем и документов.

«После рождения четвертой дочери, Анастасии, императрица уже совершенно отчаялась. И здесь со своими советами возникли «черногорки» – так называли двух дочерей черногорского князя Николы Первого. Стана (Анастасия) и Милица после учебы в Петербурге в Смольном институте остались при дворе российского императора и вышли замуж за представителей рода Романовых. Вторым мужем Станы стал дядя Николая II – Николай Николаевич».

«Черногорки» имели при дворе определенное влияние. Именно они и познакомили императорскую чету с неким доктором Филиппом, с которым императрица связывала надежды на рождение сына».

Анна пробежала глазами биографию Филиппа, приведенную в статье. Так, так... Она оторвалась от чтения и вновь подошла к окну.

Анна подумала, не пора ли ехать домой, вдруг Елена уже закончила свои дела. Но телефон сестры не отвечал. Ясное дело: работает и вырубилась связь.

Анна вернулась к статье.

«Доктор Филипп взялся помочь Александре Федоровне в щекотливой проблеме. Ранее он вылечил сына Милицы, поэтому та с воодушевлением и рекомендовала доктора императрице. Но не все относились к Филиппу с таким безоговорочным доверием. Так, заведующий парижской и женеvской агентурой Рачковский собрал на доктора досье, где наклеил ему ярлык «шарлатан». Французский посланник даже предостерегал императора и императрицу от «доктора». Но это не поколебало веру императорской четы в новоявленного чудесника. Они так страстно жаждали наследника, что готовы были на многое закрыть глаза. Лишь бы явилось чудо и Александра Федоровна зачала сына.

Филипп утверждал, что благодаря силе внушения может оказывать влияние на пол младенца в утробе матери. Его лекарством был гипноз.

И вот после двух месяцев гипнотических сеансов Филипп сказал, что императрица беременна. Этот факт был скрыт ото всех. Свое положение Александра Федоровна хотела сохранить в тайне. Беременность началась в ноябре 1901 года. Официально о том, что императрица ждет ребенка, было объявлено весной, а медики были допущены к ней только в августе 1902 года. Вот тогда-то и было объявлено, что у императрицы – ложная беременность и родов не ожидается.

Это известие стало страшным ударом для Александры Федоровны, разочарованием для придворных кругов и поводом для насмешек во всех слоях общества.

Ходили слухи о том, что императрица на самом деле родила урода. Как казус можно рассматривать тот факт, что полицией было приказано исключить из оперы «Сказка о царе Салтане» слова: «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку».

Анна представила себе императрицу – страдающую женщину, мечтающую только об одном – о сыне. Ее истерики, капризы, метания вполне объяснимы – судьба отказывала ей в том, чего она так страстно желала. В этом корень многих бед, корень несчастья этой семьи, их привязанности друг к другу, желания держаться до последнего и любой ценой. Отсюда – упрямство и негибкость императрицы, стремление видеть во всех врагов, и что касается придворных кругов – вовсе не напрасно. У Аликс не было друзей и подруг, кроме несчастной Ани Танеевой, которая вошла в историю под фамилией Вырубова. И еще нескольких придворных фрейлин. Все остальные, по ее мнению, относились к ней враждебно, включая свекровь, и постоянно интриговали против нее, даже родная сестра Элла, Елизавета Федоровна.

«Филипп был изгнан, но императрица считала, что благодаря именно его советам и воздействию она все-таки зачала и родила сына. Именно Филипп посоветовал ей поехать в Саровскую обитель. После чего и наступила долгожданная беременность.

Но рождение наследника омрачилось страшной правдой – он оказался болен гемофилией. Редким наследственным заболеванием крови. Носительницей этой болезни была прабабушка цесаревича – английская королева Виктория.

Радость от появления сына шла рука об руку со страхом потерять его в любой момент».

Анна отложила статью и подошла к окну. Деревья освещались фонарями. И ей вдруг показалось, что около одного из деревьев мелькнула тень. Она присмотрелась: как будто бы,

прислонившись к дереву, стоял человек. Анна отвлеклась, а когда посмотрела туда же через несколько минут – уже никого не было...

Глава 3

Уроки нежной силы

Слабые люди выжидают благоприятных случаев, сильные их создают.

Александр Н. Афиногенов

Варвара Епифанова терпеть не могла встречи одноклассников и никогда на них не ходила. Несмотря на то что через одноименную популярную сеть ей время от времени присылали приглашения прийти на то или иное мероприятие и «встретиться с любимыми друзьями из прошлого». Так слезливо, с надрывом зазывала ее бывший лидер их класса – Зина Морощкина, а ныне Зинаида Кругликова, мать четверых детей.

Варвара собиралась отмахнуться от приглашения и на этот раз, то есть попросту проигнорировать очередное воззвание многодетной матери, но внизу шла приписка. «Варвара, Григорий Семенович очень хочет встретиться с тобой. И лично просил, чтобы ты пришла».

Это был прием из разряда «ниже пояса». Дело в том, что к их математику Раскину Григорию Семеновичу Варя питала нежнейшее почтение, смешанное с благоговением. Именно Григорий Семенович, учитель от Бога, как о нем говорили родители, с успехом прививал детям любовь к такому трудному предмету, как математика. Он последовательно выводил вчерашних троечников и хорошистов на районные и городские олимпиады, где они неизменно получали высокие баллы, а после с легкостью поступали в престижнейшие вузы Москвы.

Математика возникла в жизни Варвары Епифановой в самый трудный период ее жизни – когда родители расстались и до нее никому не было дела. Отец создал новую семью с «провинциальной профурсеткой», как говорила ее мать, и разом отрезал Варвару от себя. А в той прошлой жизни осталось немало хорошего: воскресные походы с отцом в парк Сокольники, зимой катание на коньках, летом и осенью – на велосипедах, тающее мороженое в руках, смех, совместно прочитанные книжки, зычный глубокий голос отца «Варю-юнь» и его звонкие поцелуи в щеку или в подбородок. И всего этого сразу не стало.

Взамен возникла озабоченная мать с вертикальной морщиной на лбу, ее краткие реплики: «Эта гнида ничего не получит!», «захотел потискать молодое тело», «старый козел», «провинциальная шлюшка». Мать бросала эти реплики по телефону своим подругам, не думая о том, что их может услышать Варвара. Или, напротив, ей доставляло удовольствие показать Варваре: какой скотиной, в конце концов, оказался ее отец.

Варя в это верить не могла. Ей очень хотелось встретиться с отцом и как-то объясниться. Спросить его, а как теперь будет жить она, Варвара? Будет ли он приходить к ним, гулять с ней в парке, целовать в подбородок и покупать мороженое?..

Но отец ушел однажды утром с чемоданом и никак не давал о себе знать.

Мать, когда Варя приставала к ней с вопросами, отмахивалась от дочери, как от назойливой мухи. Брезгливо поджимала губы и говорила: «Ему теперь не до тебя, там вот-вот родится ребенок».

Варвара затыкала уши и уходила к себе в комнату, когда и это не помогало, когда находиться дома рядом с наэлектризованной матерью становилось невыносимо, она уходила гулять в парк одна и бродила по дорожкам допоздна – просто так, без всякой цели. Потом она стала прогуливать уроки, потому что жизнь разом потеряла всякий смысл и не было желания вообще куда-то ходить и чем-то заниматься. Отец ушел в августе, и всю осень Варвара блуждала в парке, периодически пропуская уроки и не думая о том, что будет дальше.

С наступлением холодов прогулки не прекратились. Однажды Варвара, обессиленная, опустилась прямо на дощатый пол летней веранды и равнодушно-тупо смотрела, как кружатся

в воздухе первые снежинки. Незаметно она уснула и проснулась закованная от холода. Она даже не могла разогнуть пальцы.

Где-то рядом раздалась матерная брань, и Варвара вжалась в стену, надеясь, что ее не заметят. Но случилось обратное.

Трое парней остановились напротив нее. И один из них отпустил длинное замысловатое ругательство, сплюнув на землю. Варвара попыталась встать, но ноги плохо слушались. Она поднялась, держась руками за стенку, но ноги подкосились, и Варвара снова рухнула на пол.

С гоготаньем отморозки подошли к ней. Один из них ботинком легонько коснулся ее рук, как будто бы она была лягушкой или полудохлым зверьком, которого пытаются перевернуть на спину. Варвара сжала руки в кулаки, смех раздался еще громче. Сознание мутилось, было противно. Подташнивало и еще шумело в голове...

Рядом раздался звук льющейся воды, в нос ударил запах мочи. Она невольно подняла голову, стоявший рядом парень ссал, пытаясь направить струю на нее, но мешал ветер. Варвара рывком села, но кто-то подошел сзади и опустил ей на плечи руки, тем самым лишив маневра.

«Варю-ю-ю-нь! – раздавалось в ушах. – Варю-ю-нь...» И ее смех в ответ, и липкое мороженое в руках. Она слизывала его с пальцев, и еще легкость в теле, и чувство полета, когда летишь на велосипеде и отрываешься от земли, а ноги крутят педали все быстрее и быстрее... Ветер свистит в ушах...

– А она, придурочная, что ли? Пощупаем ее, Серый, а? Проверим целочку...

Слова не доходили до сознания, они были как тяжелые камни, которые катились сверху горы и готовы были расплющить ее.

– По-ща-дите, – хотела выдать Варвара, но из горла вырвался лишь слабый писк. В ответ раздался взрыв смеха.

Некое «существо» присело рядом с ней на корточки.

– Как ты себя чувствуешь, а?

Наглые глаза, запах табака и страшный оскал.

«Наверное, я сейчас здесь умру, – подумала Варвара. – Вот прямо сейчас. И лучше умереть, чем...»

Мысль она не закончила, потому что сидевший на корточках стал расстегивать молнию на ее джинсах. Ему никак не удавалось это сделать, и, выругавшись, тот, кто стоял сзади, рывком поднял Варвару на ноги. Молча она лягнула парня, стоявшего перед ней. Тот, охнув, врезал ей изо всех сил по лицу. Рот наполнился кровью. Она нащупала языком выпавшие зубы.

– Вот тварь! – сказал один из парней с веселым изумлением.

На ней рвали одежду, она отбивалась, но силы были неравны. Она уже чувствовала, что падает в обморок, что все куда-то исчезло... Вдруг послышались еще мужские крики, ругательства, звук металла, ударившего о трубу...

И она снова лежала на земле, над ней склонялись двое мужчин. Как потом выяснилось – это были военные, которые шли парком на день рождения своего сослуживца. Они хотели срезать путь, но заплутали и вышли к летнему шахматному клубу, где и находилась Варвара в окружении банды отморозков.

Полумертвую от страха и холода Варвару отвели домой и передали матери, которая с перекошенным лицом кинулась к ней и стала трясти и выговаривать – почему она где-то шляется, не поставив ее в известность.

– Мамаша! – вежливо, но строго осадил ее один из провожатых. – Девочка ваша полужива, вы что, не видите? Ее из рук подонков вырвали. Еще немного, и изнасиловали бы, твари. Слава богу, все обошлось.

Мать вскинула на военного глаза, сказанное доходило до нее с трудом, потом она бросилась к Варваре и стала иступленно гладить ее по волосам, обнимать, приговаривая, что «все хорошо и ничего не надо бояться».

Мужчины ушли, а Варвара стояла в коридоре в разорванных джинсах и куртке с оторванным рукавом. Мать, внимательно взглядевшись в нее, охнула:

– У тебя лицо в кровоподтеках.

– И зубы выбиты, – спокойно сказала Варвара. Собственный голос показался ей отстраненно-чужим, словно эти слова говорила не она, а кто-то посторонний.

– Зубы? – истерично вскинулась мать. – Но надо же что-то делать! Бежать к врачу, писать заявление в полицию!

– Ничего не надо, – пробормотала Варвара. – Я просто умру, если придется куда-то идти. Давай все решим завтра. А сегодня я хочу принять ванну и спать... Прошу...

– Да, да, девочка моя. Это все старый козел довел, если бы он...

– Мама! – осадила ее Варвара. – Не надо.

Принять ванну не было сил, от горячей воды раны и ушибы болели еще сильнее. Она включила холодный душ. И постояв под ним минут десять, вышла из ванны, обернувшись в полотенце. Мать стояла в коридоре.

– Есть будешь?

– Неа, – кровоточащие дырки во рту мешали говорить, и Варвара сильно шепелявила. – Не хочу, только спать...

Она рухнула в кровать, обессиленная, униженная, тело горело от чужих жадных рук, скользивших по ней, срывавших одежду, ей казалось, что до сих пор она ощущает запах табака и перегара.

Варвара приложила руку ко лбу. Он горел...

– Я заболела, – прошептала Варвара. – У меня температура...

Выздоровление было долгим: две недели Варя пролежала с температурой, мать хлопотала рядом, бестолково суетясь и негодуя на «козла». Он был виновен во всех прошлых и будущих бедах – это стало жизненным кредо матери, превратившимся в манию.

Но и после того, как температура спала, оказалось, что до полного выздоровления Варя далеко. В ее мире что-то безвозвратно треснуло, нарушилось, и ей было не под силу восстановить утраченную цельность.

В школе она скрyla случившееся, но все видели, что с Варварой Елифановой что-то происходит.

Первым забил тревогу Григорий Семенович, математик. Он как-то попросил Варю остаться после уроков и попытался вызвать ее на разговор. Варвара молчала, наконец математик, вплеснув руками, воскликнул:

– Деточка, ну ты же просто терзаешь себя! Я это вижу. У меня есть племянница в этом же возрасте, весьма капризная девочка, и я все хорошо понимаю, но нельзя же так. Давай займемся математикой, чтобы восстановить душевное равновесие? Математика лучше всех справится с этим.

– Почему? – машинально спросила Варвара.

Преподаватель снял очки и протер их.

– Потому... Математика – это божественная гармония чисел. «Музыка сфер». Все подчиняется числу. Вся мировая гармония. Вот Пифагор...

Григорий Семенович рассказывал ей о Пифагоре так, словно лично знал его. А потом ему удалось почти невозможное – он вернул Варю интерес к жизни через сухие формулы, которые как голые стебли заполняли доску, а потом в конце взрывались цветочным ковром. И Варвара, решая задачи, словно бежала по цветущему лугу.

Уже после Варвара узнала, что у математика не было никакой племянницы, а была дочь Аля, погибшая в возрасте Вари. Погибшая нелепо и случайно, она переходила железнодорожные пути, споткнулась и упала на рельс прямо виском. Мгновенная смерть.

Чем-то Варвара напоминала Григорию Семеновичу Алю, возможно, поэтому он и принял в ее судьбе такое участие. А может быть, математик был просто добр по своей натуре и видеть страдания ученицы ему было тяжело. Правды Варвара никогда не узнала, да и не пыталась узнать.

К Варваре постепенно вернулся интерес к жизни, она полюбила математику, участвовала в олимпиадах, но главное – стала без страха смотреть в будущее.

А потом в один прекрасный момент в класс пришел Гоша Кунцевич, и он легко потеснил Варвару с пьедестала. Он стал лучшим и любимым учеником Григория Семеновича, и Варвара жутко страдала от этого, но поделаться ничего не могла. Когда Гоша обращался к ней, она грубила, отвечала резко или вовсе поворачивалась спиной. До нее не сразу дошло, что она нравится Гоше, что он пытается завоевать ее внимание. Неприязнь к нему застилала глаза и не давала увидеть то, что было на самом деле.

Несмотря на отчаянные Гошины попытки склонить ее к симпатии, Варвара дулась и сердилась на него совершенно по-детски – словно мстила за то, что теперь она не занимает в сердце Григория Семеновича безоговорочно первое место.

Ни Гошины цветы, ни билеты в кино, ни кафе, куда он водил ее пару раз, не заставили Варю сменить гнев на милость. Правда, иногда она делала вид, что принимает его ухаживания, а потом одним махом опрокидывала робкие мечты влюбленного в нее парня. Оборвалось все внезапно. Гоша в десятом классе уехал вместе с родителями в Америку, первое время писал ей, а потом переписка оборвалась. Варвара отнеслась к этому философски, и вскоре Гоша стал для нее тусклым воспоминанием, оставшимся в прошлом, так как настоящее уже бурлило и выходило из берегов, грозясь затопить все и вся.

Перемены происходили во всех направлениях. Отец наконец-то отсудил у матери квартиру, надо было размениваться. Переезжать из трехкомнатной в двухкомнатную, искать варианты.

Отец за прошедший период возник в жизни Варвары всего два раза. В последний раз она с трудом узнала его – вместо поджарого стройного мужчины с веселыми глазами – перед ней был отекший располневший дядька, который изо всех сил старался на нее не смотреть, мямлил, что жизнь – сложная штука, обещал еще встретиться, говорил, что «у него все трудно», а Варвара стала «настоящей красавицей». И все было ложью от начала до конца.

На самом деле у него все было прекрасно – молодая жена родила еще одного наследника, точнее – наследницу, теперь у отца был полный комплект: сын и дочь, которую он назвал красивым именем Эльвира. Отец основал собственную фирму на паях с бывшим однокурсником, ставшим большим человеком и имевшим связи в московской мэрии и властных структурах. Итак, у отца были деньги, молодая красавица жена, собственное дело, сытая благополучная жизнь, куда Варя никак не вписывалась, и ее оставили за бортом, как надоевшую куклу или плюшевого мишку.

А его слова насчет красавицы – можно было счесть откровенной насмешкой. К своей внешности Варвара относилась более чем критически и терпеть не могла слюнявые комплименты, как она их называла, тем более от близких людей.

После свидания с отцом она сказала матери:

– Как он изменился!

Мать вскинула на нее глаза, обведенные черным карандашом, что придавало ей сходство с грустным Пьеро.

– Да? И как ты его находишь? Мне Алексей показался таким холеным, ухоженным.

– Как кот, слопавший мышку.

– Да-да, мы бедные мыши, которых он съел, – подхватила мать. – А теперь собирается нас выселить из нашей же квартиры. Нет чтобы оставить квартиру своей кровной дочери и жене, которая угробила на него свои лучшие годы...

Ни слова не говоря, Варвара повернулась и пошла в свою комнату. Там она долго стояла и изучала себя перед зеркалом. Серые глаза, русые волосы. Толстая коса, с которой она не хотела расставаться, хотя прекрасно понимала, что это несовременно и не модно. Но коса ей нравилась, она придавала Варе какую-то приземленность, в хорошем смысле этого слова. Ей нравилось распускать волосы и ощущать под пальцами тугой шелк, волосы становились мягкими, послушными и, вырываясь на свободу, с облегчением струились по спине и плечам.

Но красивой ее назвать было нельзя. Миловидной, симпатичной – но не красавицей. Здесь отец перегнул палку. Вот только – зачем? Хотел снискать ее расположения, подольстить?

Свою трехкомнатную в районе Сокольников они разменяли на маленькую двушку в Перове, о чем мать сокрушалась почти каждый день.

После окончания школы Варвара поступила в МИФИ, училась она без интереса, с однокурсниками не сходилась, держалась дичком и получила прозвище «странной особы» и «малахольной». А Варваре было невыносимо скучно. Скучны были люди, занятия, вся окружающая обстановка... Скучна жизнь. Она думала о себе как о маленькой старушке, которую уже ничего впереди не ждет.

Так бы все и шло по накатанной колее, если бы на четвертом курсе не состоялось судьбоносное знакомство с одним человеком, перевернувшим всю ее жизнь.

В тот день ничего, абсолютно ничего не предвещало никакие перемены. Все начиналось как обычно: занятия в институте, потом нужно было по просьбе матери поехать в аптеку и купить ей лекарство. Ну и домой.

Стоял апрель. В воздухе пахло свежестью и беспокойным ветром. Аптека находилась в центре, купив лекарство, Варвара неожиданно для себя решила пройти по Пречистенке. Она шла по тротуару, как вдруг увидела между домами в одном из переулков человека, который сползал по стене.

«Пьяный», – подумала Варвара и собиралась уже идти дальше, как что-то остановило ее, и быстрыми шагами она направилась в переулок. Мужчина тихо стонал, держась за сердце.

– Вам плохо? – наклонилась к нему Варвара.

Он с трудом открыл глаза.

– Вы кто? – спросил он.

– Варвара Епифанова.

– Откуда?

– Студентка МИФИ. Это что – принципиально важно? – сердито спросила Варвара. – Вы сейчас, кажется, концы отдадите.

Даже в темноте было видно, как слабая улыбка тронула его губы.

– Грубите, девушка, нехорошо.

– Нехорошо пререкаться, когда вам плохо.

– Откуда вы знаете, что мне плохо?

– Да ну вас! – рассердилась Варвара. – Сидите тут. А я пошла.

Где-то совсем рядом раздался сухой шелчок, и человек вцепился ей в руку.

– Пожалуйста... – выдавил он. – Спрячьте меня!

– Куда? – растерялась Варвара.

– Куда-нибудь, хотя бы в кафе.

– Где я его возьму?

– На Пречистенке. Скорее же! Давайте я обопрусь на вас.

Варвара помогла мужчине подняться. Он оказался тяжелым, но и Варвара была не хрупкого сложения. Стиснув зубы, она чуть ли не волоком вытащила его из переулка на Пречистенку.

Через десять метров обнаружилось кафе.

– Сюда! – скомандовал он.

Они вошли в кафе, и ее спутник выбрал самый дальний столик в углу. Опустился на диван и застонал, вытянув ногу.

Варвара села напротив. Теперь она разглядела его как следует. Это был молодой мужчина не старше тридцати лет, кудрявый, темноволосый, с блестящими карими глазами. Он напоминал классического итальянца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.